

Дмитрий Иванович Писарев.
Роман И. А. Гончарова Обломов

Сочинения в четырех томах. Том 1. Статьи и рецензии 1859-1862, М., Государственное издательство художественной литературы, 1955

В каждой литературе, достигшей известной степени зрелости, появляются такие произведения, которые соглашают общечеловеческий интерес с народным и современным и возводят на степень художественных созданий типы, взятые из среды того общества, к которому принадлежит писатель. Автор такого произведения не увлекается современными ему, часто мелкими, вопросами жизни, не имеющими ничего общего с искусством; он не задает себе задачи составить поучительную книгу и осмеять тот или другой недостаток общества или превознести ту или другую добродетель, в которой нуждается это общество. Нет! Творчество с заранее задуманною практическою целью составляет явление незаконное; оно должно быть предоставлено на долю тех писателей, которым отказано в могучем таланте, которым дано взамен нравственное чувство, способное сделать их хорошими гражданами, но не художниками. Истинный поэт стоит выше житейских вопросов, но не уклоняется от их разрешения, встречаясь с ними на пути своего творчества. Такой поэт смотрит глубоко на жизнь и в каждом ее явлении видит общечеловеческую сторону, которая затронет за живое всякое сердце и будет понятна всякому времени. Случится ли поэту обратить внимание на какое-нибудь общественное зло, - положим, на взяточничество, - он не станет, подобно представителям обличительного направления, вдаваться в тонкости казуистики и излагать разные запутанные проделки: цель его будет не осмеять зло, а разрешить перед глазами читателя психологическую задачу; он обратит внимание не на то, в чем проявляется взяточничество, а на то, откуда оно исходит; взяточник в его глазах - не чиновник, недобросовестно исполняющий свою обязанность, а человек, находящийся в состоянии полного нравственного унижения. Проследить состояние его души, раскрыть его перед читателем, объяснить участие общества в формировании подобных характеров - вот дело истинного поэта, которого творение о взяточничестве может возбудить не одно отвращение, а глубокую грусть за нравственное падение человека. Так смотрит поэт на явления своей современности, так относится он к различным сторонам своей национальности, на все смотрит он с общечеловеческой точки зрения; не тратя сил на воспроизведение мелких внешних особенностей народного характера, не дробя своей мысли на мелочные явления всенедневной жизни, поэт разом постигает дух, смысл этих явлений, усваивает себе полное понимание народного характера и потом, вполне располагая своим материалом, творит, не списывая с окружающей его действительности, а выводя эту действительность из глубины собственного духа и влагал в живые, созданные им образы одушевляющую его мысль. "Народность, - говорит Белинский, - есть не достоинство, а необходимая условие истинно художественного произведения". {1} Мысль поэта ищет себе определенного, округлого выражения и по естественному закону выливается в ту форму, которая всего знакомое поэту; каждая черта общечеловеческого характера имеет в известной национальности свои особенности, каждое общечеловеческое движение души выражается сообразно с условиями времени и места. Истинный художник может воплотить свою идею только в самых определенных образах, и вот почему народность и историческая верность составляют необходимое условие изящного произведения. Слова Белинского, сказанные им по поводу повестей Гоголя, могут быть в полной силе приложены к оценке нового романа г. Гончарова. В этом романе разрешается обширная, общечеловеческая психологическая задача; эта задача разрешается в явлениях чисто русских, национальных, возможных только при нашем образе жизни, при тех исторических обстоятельствах, которые сформировали народный характер, при тех условиях, под влиянием которых развивалось и отчасти развивается до сих пор наше молодое

поколение. В этом романе затронуты и жизненные, современные вопросы настолько, насколько эти вопросы имеют общечеловеческий интерес; в нем выставлены и недостатки общества, но выставлены не с полемической целью, а для верности и полноты картины, для художественного изображения жизни, как она есть, и человека с его чувствами, мыслями и страстями. Полная объективность, спокойное, бесстрастное творчество, отсутствие узких временных целей, профанирующее искусство, отсутствие лирических порывов, нарушающих ясность и отчетливость эпического повествования, - вот отличительные признаки таланта автора, насколько он выразился в последнем его произведении. Мысль г. Гончарова, проведенная в его романе, принадлежит всем векам и народам, но имеет особенное значение в наше время, для нашего русского общества. Автор задумал проследить мертвящее, губительное влияние, которое оказывают на человека умственная апатия, усыпление, овладевающее мало-помалу всеми силами души, охватывающее и сковывающее собою все лучшие, человеческие, разумные движения и чувства. Эта апатия составляет явление общечеловеческое, она выражается в самых разнообразных формах и порождается самыми разнородными причинами; но везде в ней играет главную роль страшный вопрос: "зачем жить? к чему трудиться?" - вопрос, на который человек часто не может найти себе удовлетворительного ответа. Этот неразрешенный вопрос, это неудовлетворенное сомнение истощают силы, губят деятельность; у человека опускаются руки, и он бросает труд, не видя ему цели. Один с негодованием и с желчью отбросит от себя работу, другой отложит ее в сторону тихо и лениво; один будет рваться из своего бездействия, негодовать на себя и на людей, искать чего-нибудь, чем можно было бы наполнить внутреннюю пустоту; апатия его примет оттенок мрачного отчаяния, она будет перемежаться с лихорадочными порывами к беспорядочной деятельности и все-таки останется апатией, потому что отнимет у него силы действовать, чувствовать и жить. У другого равнодушие к жизни выразится в более мягкой, бесцветной форме; животные инстинкты тихо, без борьбы, выплывут на поверхность души; замрут без боли высшие стремления; человек опустится в мягкое кресло и заснет, наслаждаясь своим бессмысленным покоем; начнется вместо жизни прозябание, и в душе человека образуется стоячая вода, до которой не коснется никакое волнение внешнего мира, которой не потревожит никакой внутренней переворот. В первом случае мы видим какую-то вынужденную апатию, - апатию и вместе с тем борьбу против нее, избыток сил, просившихся в дело и медленно гаснущих в бесплодных попытках; это - байронизм, болезнь сильных людей. Во втором случае является апатия покорная, мирная, улыбающаяся, без стремления выйти из бездействия; это - обломовщина, как назвал ее г. Гончаров, это болезнь, развитию которой способствуют и славянская природа и жизнь нашего общества. Это развитие болезни проследил в своем романе г. Гончаров. Огромная идея автора во всем величии своей простоты улеглась в соответствующую ей рамку. По этой идее построен весь план романа, построен так обдуманно, что в нем нет ни одной случайности, ни одного вводного лица, ни одной лишней подробности; чрез все отдельные сцены проходит основная идея, и между тем во имя этой идеи автор не делает ни одного уклонения от действительности, не жертвует ни одною частностию во внешней отделке лиц, характеров и положений. Все строго естественно и между тем вполне осмысленно, проникнуто идеею. Событий, действия почти нет; содержание романа может быть рассказано в двух, трех строках, как может быть рассказана в нескольких словах жизнь всякого человека, не испытавшего сильных потрясений; интерес такого романа, интерес такой жизни заключается не в замысловатом сцеплении событий, хотя бы и правдоподобных, хотя бы и действительно случившихся, а в наблюдении над внутренним миром человека. Этот мир всегда интересен, всегда привлекает к себе наше внимание; но он особенно доступен для изучения в спокойные минуты, когда человек, составляющий предмет нашего наблюдения, предоставлен самому себе, не зависит от внешних событий, не поставлен в искусственное положение, происходящее от случайного стечения обстоятельств. В такие спокойные минуты жизни, когда человек, не тревожимый внешними впечатлениями,

сосредоточивается, собирает свои мысли и заглядывает в свой внутренний мир, в такие минуты происходит иногда никому не заметная, глухая внутренняя борьба, в такие минуты зреет и развивается задушевная мысль или происходит поворот на прошедшее, обсуживание и оценка собственных поступков, собственной личности. Эти таинственные минуты особенно дороги для художника, особенно интересны для просвещенного наблюдателя. В романе г. Гончарова внутренняя жизнь действующих лиц открыта перед глазами читателя; нет путаницы внешних событий, нет придуманных и рассчитанных эффектов, и потому анализ автора ни на минуту не теряет своей отчетливости и спокойной проницательности. Идея не дробится в сплетении разнообразных происшествий: она стройно и просто развивается сама из себя, проводится до конца и до конца поддерживает собою весь интерес, без помощи посторонних, побочных, вводных обстоятельств. Эта идея так широка, она охватывает собою так много сторон нашей жизни, что, воплощая одну эту идею, не уклоняясь от нее ни на шаг, автор мог, без малейшей натяжки, коснуться чуть ли не всех вопросов, занимающих в настоящее время общество. Он коснулся их невольно, не желая жертвовать для временных целей вечными интересами искусства; но это невольно высказанное в общественном деле слово художника не может не иметь сильного и благотворного влияния на умы: оно подействует так, как действует все истинное и прекрасное. Часто случается, что художник приступает к своему делу с известною идеею, созревшею в его голове и получившею уже свою определенную форму; он берется за перо, чтобы перенести эту идею на бумагу, чтобы вложить ее в образы, - и вдруг увлекается самым процессом творчества; произведение, задуманное в его уме, разрастается и получает не ту форму, которая была назначена ему прежде. Отдельный эпизод, которому вначале следовало только подтвердить основную мысль, обрабатывается с особенною любовью и вырастает так, что почти выдвигается на первый план, и между тем от этого, невидимому, незаконного преобладания одной части над другими не происходит дисгармонии; основная идея не теряет своей ясности, не затемняется развитием эпизодов; все произведение остается стройным и изящным, хотя и не соблюдена математическая строгость в соразмерности частей. Описанный нами факт творчества свершился, как кажется, над романом г. Гончарова. Главною идеею автора, насколько можно судить и по заглавию и по ходу действия, было изобразить состояние спокойной и покорной апатии, о которой мы уже говорили выше; между тем после прочтения романа у читателя может возникнуть вопрос: что хотел сделать автор? Какая главная цель руководила им? Не хотел ли он проследить развитие чувства любви, анализировать до мельчайших подробностей те видоизменения, которые испытывает душа женщины, взволнованной сильным и глубоким чувством? Вопрос этот рождается не оттого, чтобы главная цель была не достигнута, не оттого, чтобы внимание автора уклонилось от нее в сторону: напротив! дело в том, что обе цели, главная и второстепенная, возникшая во время творчества, достигнуты до такой степени полно, что читатель не знает, которой из них отдать предпочтение. В "Обломове" мы видим две картины, одинаково законченные, поставленные рядом, проникающие и дополняющие одна другую. Главная идея автора выдержана до конца; но во время процесса творчества представилась новая психологическая задача, которая, не мешая развитию первой мысли, сама разрешается до такой степени полно, как не разрешалась, быть может, никогда. Редкий роман обнаруживал в своем авторе такую силу анализа, такое полное и тонкое знание человеческой природы вообще и женской в особенности; редкий роман когда-либо совмещал в себе две до такой степени огромные психологические задачи, редкий возводил соединение двух таких задач до такого стройного и, невидимому, несложного целого. Мы бы никогда не кончили, если бы стали говорить о всех достоинствах общего плана, составленного такою смелую рукою; переходим к рассмотрению отдельных характеров.

Илья Ильич Обломов, герой романа, олицетворяет в себе ту умственную апатию, которой г. Гончаров придал имя обломовщины. Слово обломовщина не умрет в нашей

литературе: оно составлено так удачно, оно так осязательно характеризует один из существенных пороков нашей русской жизни, что, по всей вероятности, из литературы оно проникнет в язык и войдет во всеобщее употребление. Посмотрим, в чем же состоит эта обломовщина. Илья Ильич стоит на рубеже двух взаимно противоположных направлений: он воспитан под влиянием обстановки старорусской жизни, привык к барству, к бездействию и к полному угождению своим физическим потребностям и даже прихотям; он провел детство под любящим, но неосмысленным надзором совершенно неразвитых родителей, наслаждавшихся в продолжение нескольких десятков лет полною умственною дремотою, вроде той, которую охарактеризовал Гоголь в своих "Старосветских помещиках". Он изнежен и избалован, ослаблен физически и нравственно; в нем старались, для его же пользы, подавлять порывы резвости, свойственные детскому возрасту, и движения любознательности, просыпающиеся также в годы младенчества: первые, по мнению родителей, могли подвергнуть его ушибам и разного рода повреждениям; вторые могли расстроить здоровье и остановить развитие физических сил. Кормление на убой, сон вволю, поблажка всем желаниям и прихотям ребенка, не грозившим ему каким-либо телесным повреждением, и тщательное удаление от всего, что может простудить, обжечь, ушибить или утомить его, - вот основные начала обломовского воспитания. Сонная, рутинная обстановка деревенской, захолустной жизни дополнила то, чего не успели сделать труды родителей и нянек. На тепличное растение, не ознакомившееся в детстве не только с волнениями действительной жизни, но даже с детскими огорчениями и радостями, пахнуло струей свежего, живого воздуха. Илья Ильич стал учиться и развился настолько, что понял, в чем состоит жизнь, в чем состоят обязанности человека. Он понял это умом, но не мог сочувствовать воспринятым идеям о долге, о труде и деятельности. Роковой вопрос: к чему жить и трудиться? - вопрос, возникающий обыкновенно после многочисленных разочарований и обманутых надежд, прямо, сам собою, без всякого приготовления, во всей своей ясности представился уму Ильи Ильича. Этим вопросом он стал оправдывать в себе отсутствие определенных наклонностей, нелюбовь к труду всякого рода, нежелание покупать этим трудом даже высокое наслаждение, бессилие, не позволявшее ему идти твердо к какой-нибудь цели и заставлявшее его останавливаться с любовью на каждом препятствии, на всем, что могло дать средство отдохнуть и остановиться. Образование научило его презирать праздность; но семена, брошенные в его душу природою и первоначальным воспитанием, принесли плоды. Нужно было согласить одно с другим, и Обломов стал объяснять себе свое апатическое равнодушие философским взглядом на людей и на жизнь. Он действительно успел уверить себя в том, что он - философ, потому что спокойно и бесстрастно смотрит на волнения и деятельность окружающих его людей; лень получила в его глазах силу закона; он отказался от всякой деятельности; обеспеченное состояние дало ему средства не трудиться, и он спокойно задремал с полным сознанием собственного достоинства. Между тем идут года, и с годами возникают сомнения. Обломов оборачивается назад и видит ряд бесполезно прожитых лет, смотрит внутрь себя и видит, что все пусто, оглядывается на товарищей - все за делом; настают порою страшные минуты ясного сознания; его щемит тоска, хочется двинуться с места, фантазия разыгрывается, начинаются планы, а между тем двинуться нет сил, он как будто прирос к земле, прикован к своему бездействию, к спокойному креслу и к халату; фантазия слабеет, лишь только приходит пора действовать; смелые планы разлетаются, лишь только надо сделать первый шаг для их осуществления. Апатия Обломова не похожа на то* тяжелый сон, в который были погружены умственные способности его родителей: эта апатия парализует действия, но не деревянит его чувства, не отнимает у него способности думать и мечтать; высшие стремления его ума и сердца, пробужденные образованием, не замерли; человеческие чувства, вложенные природою в его мягкую душу, не очерствели: они как будто заплыли жиром, но сохранились во всей своей первобытной чистоте. Обломов никогда не приводил этих чувств и стремлений в соприкосновение с практическою жизнью; он никогда

не разочаровывался, потому что никогда не жил и не действовал. Оставшись до зрелого возраста с полной верою в совершенства людей, создав себе какой-то фантастический мир, Обломов сохранил чистоту и свежесть чувства, характеризующую ребенка; но эта свежесть чувства бесполезна и для него и для других. Он способен любить и чувствовать дружбу; но любовь не может возбудить в нем энергии; он устает любить, как устал двигаться, волноваться и жить. Вся личность его влечет к себе своею честностию, чистотою помыслов и "голубиною", по выражению самого автора, нежностию чувств; но в этой привлекательной личности нет мужественности и силы, нет самостоятельности. Этот недостаток губит все его хорошие свойства. Обломов робок, застенчив. Он стоит по своему уму и развитию выше массы, составляющей у нас общественное мнение, но ни в одном из своих действий не выражает своего превосходства; он не дорожит светом - и между тем боится его пересудов и беспрекословно подчиняется его приговорам; его пугает малейшее столкновение с жизнью, и ежели можно избежать такого столкновения, он готов жертвовать своим чувством, надеждами, материальными выгодами; оловом, Обломов не умеет и не хочет бороться с чем бы то ни было и как бы то ни было. Между тем в нем совершается постоянная борьба между ленивою природою и сознанием человеческого долга, - борьба бесплодная, не вырывающаяся наружу и не приводящая ни к какому результату. Спрашивается, как должно смотреть на личность, подобную Обломову? Этот вопрос имеет важное значение, потому что Обломовых много и в русской литературе и в русской жизни. Сочувствовать таким личностям нельзя, потому что они тяготят и себя и общество; презирать их безусловно тоже нельзя: в них слишком много истинно-человеческого, и сами они слишком много страдают от несовершенств своей природы. На подобные личности должно, по нашему мнению, смотреть как на жалкие, но неизбежные явления переходной эпохи; они стоят на рубеже двух жизней: старорусской и европейской, и не могут шагнуть решительно из одной в другую. В этой нерешительности, в этой борьбе двух начал заключается драматичность их положения; здесь же заключаются причины дисгармонии между смелостию их мысли и нерешительностию действий. Таких людей должно жалеть, во-первых, потому, что в них часто бывает много хорошего, во-вторых, потому, что они являются невинными жертвами исторической необходимости. Рядом с Обломовым выведен в романе г. Гончарова другой характер, соединяющий в себе те результаты, к которым должно вести гармоническое развитие. Андрей Иванович Штольц, друг Обломова, является вполне мужчиною, таким человеком, каких еще очень мало в современном обществе. Он не избалован домашним воспитанием, он с молодых лет начал пользоваться разумною свободою, рано узнал жизнь и умел внести в практическую деятельность прочные теоретические знания. Выработанность убеждений, твердость воли, критический взгляд на людей и на жизнь и рядом с этим критическим взглядом вера в истину и в добро, уважение ко всему прекрасному и возвышенному - вот главные черты характера Штольца. Он не дает воли страстям, отличая их от чувства; он наблюдает за собою и сознает, что человек есть существо мыслящее и что рассудок должен управлять его действиями. Господство разума не исключает чувства, но осмысливает его и предохраняет от увлечений. Штольц не принадлежит к числу тех холодных, флегматических людей, которые подчиняют свои поступки расчету, потому что в них нет жизненной теплоты, потому что они не способны ни горячо любить, ни жертвовать собою во имя идеи. Штольц не мечтатель, потому что мечтательность составляет свойство людей, больных телом или душою, не умеющих устроить себе жизнь по своему вкусу; у Штольца здоровая и крепкая природа; он сознает свои силы, не слабеет перед неблагоприятными обстоятельствами и, не напрашиваясь насильно на борьбу, никогда не отступает от нее, когда того требуют убеждения; жизненные силы бьют в нем живым ключом, и он употребляет их на полезную деятельность, живет умом, сдерживая порывы воображения, но воспитывая в себе правильное эстетическое чувство. Характер его может с первого взгляда показаться жестоким и холодным. Спокойный, часто шуточный тон, с которым он говорит и о своих и о чужих интересах, может быть принят за неспособность

глубоко чувствовать, за нежелание вдуматься, вникнуть в дело; но это спокойствие происходит не от холодности: в нем должно видеть доказательство самостоятельности, привычки думать про себя и делиться с другими своими впечатлениями только тогда, когда это может доставить им пользу или удовольствие. В отношениях между Обломовым и Штольцем Обломов нежнее и сообщительнее своего друга. Это очень естественно: характеры слабые всегда нуждаются в нравственной поддержке и потому всегда готовы раскрыться, поделиться с другим горем или радостью. Люди с твердым, глубоким характером находят в голосе собственного рассудка лучшую опору и потому редко чувствуют потребность высказаться. В отношении к любимой женщине Штольц не способен быть страдательным существом, послушным исполнителем ее волн: сознание собственной личности не позволяет ему, для кого бы то ни было, отступать от убеждений или менять основные черты своего характера. Осмысливая все, он осмысливает и любовь и видит в ней не служение кумиру, а разумное чувство, долженствующее пополнить существование двух взаимно уважающих друг друга людей. Штольц - вполне европеец по развитию и по взгляду на жизнь; это - тип будущий, который теперь редок, но к которому ведет современное движение идей, обнаружившееся с такою силою в нашем обществе. "Вот, - говорит г. Гончаров, - глаза очнулись от дремоты, послышались бойкие, широкие шаги, живые голоса... Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!"

Личности, подобные Штольцу, редки в наше время: условия нашей общественной и частной жизни не могут содействовать развитию таких характеров; в наше время еще трудно согласить личные интересы с чистотою убеждений, трудно не увлечься, с одной стороны, в сферу отвлеченной мысли, не имеющей связи с жизнью, с другой - в область копеечного, бездушного расчета. Г. Гончаров сознает исключительность характера Штольца и объясняет его происхождение теми особенными условиями, под влиянием которых он рос и развивался. Отец его, немец, приучил его к деятельности и с малых лет предоставил ему такую свободу, которая принудила его самого обсуживать поступки и заботиться об его детских интересах; мать его, русская дворянка, не сочувствовала реальному направлению, которое давал отец воспитанию Андрюши, и старалась развить в нем эстетическое чувство, заботилась даже о внешнем изяществе его манер и туалета. Отец старался сделать из Андрея немецкого бюргера, деятельного, расчетливого и расторопного; мать желала видеть в нем человека с нежною душою и русского барина, образованного, способного блистать в обществе и проживать честным образом деньги, зарабатываемые отцом. Отец воспитывал мальчика на римских классиках, водил его по фабрикам, давал ему разные коммерческие поручения и предоставлял его наклонностям возможно полную свободу; мать учила его прислушиваться к задумчивым звукам Герца, пела ему о цветах, о поэзии жизни и проч. Влияния обоих родителей были, таким образом, почти диаметрально противоположны; сверх того, на Андрея действовала окружающая его обстановка русской жизни, широкая, беспечная, располагавшая к лени и покою, действовала, наконец, и школа труда, которую он принужден был пройти, чтобы составить себе карьеру и состояние. Все эти разнородные влияния, умеряя друг друга, формировали сильный, недюжинный характер. Отец дал Андрею практическую мудрость, любовь к труду и точность в занятиях; мать воспитала в нем чувство и внушила ему стремление к высшим духовным наслаждениям; русское деревенское общество положило на его личность печать добродушия и откровенности. Наконец, жизнь закалила этот характер и придала строгую определенность тем нравственным свойствам, которые не успели вполне выработаться в молодости, при воспитании. Характер Штольца вполне объяснен автором и, таким образом, несмотря на свою редкость, является характером понятным и законным.

Третья замечательная личность, выведенная в романе г. Гончарова, - Ольга Сергеевна Ильинская - представляет тип будущей женщины, как сформируют ее впоследствии те идеи,

которые в наше время стараются ввести в женское воспитание. В этой личности, привлекающей к себе невыразимую прелесть, но не поражающей никакими резко выдающимися достоинствами, особенно замечательны два свойства, бросающие оригинальный колорит на все ее действия, слова и движения. Эти два свойства редки в современных женщинах и потому особенно дороги в Ольге; они представлены в романе г. Гончарова с такою художественною верностию, что им трудно не верить, трудно принять Ольгу за невозможный идеал, созданный творческою фантазию поэта. Естественность и присутствие сознания - вот что отличает Ольгу от обыкновенных женщин. Из этих двух качеств вытекают правдивость в словах и в поступках, отсутствие кокетства, стремление к развитию, умение любить просто и серьезно, без хитростей и уловок, умение жертвовать собою своему чувству настолько, насколько позволяют не законы этикета, а голос совести и рассудка. Первые два характера, оговоренные нами выше, представлены уже сложившимися, и г. Гончаров только объясняет их читателю, то есть показывает те условия, под влиянием которых они образовались; что же касается до характера Ольги, он формируется перед глазами читателя. Автор выводит ее сначала почти ребенком, девушкою, одаренною природным умом, пользовавшеюся при воспитании некоторою самостоятельностью, но не испытывшею никакого сильного чувства, никакого волнения, незнакомою с жизнью, не привыкшею наблюдать за собою, анализировать движения собственной души. В этот период жизни Ольги мы видим в ней богатую, но нетронутую природу; она не испорчена светом, не умеет притворяться, но не успела также развить в себе мыслительной силы, не успела выработать себе убеждения; она действует, повинаясь влечениям доброй души, но действует инстинктивно; она следует дружеским советам развитого человека, но не всегда подвергает эти советы критике, увлекается авторитетом и иногда мысленно ссылается на своих пансионских подруг, старается припомнить, что сделала бы в том или другом случае Сонечка. Она не поступает так, как поступили бы эти подруги, но мысленно упрекает себя в этом, не понимая, не сознавая еще ясно, что кокетство - ложь, что, следуя внушениям собственной души, она поступает честно и что инстинктивное отвращение ко всякому притворству есть проявление нравственного чувства, а не следствие неразвитости, или, как она говорит, глупости. Опыт и спокойное размышление могли постепенно вывести Ольгу из этого периода инстинктивных влечений и поступков, врожденная любознательность могла повести ее к дальнейшему развитию путем чтения и серьезных занятий; но автор выбрал для нее другой, ускоренный путь. Ольга полюбила, душа ее взволновалась, она узнала жизнь, следя за движениями собственного чувства; необходимость понять состояние собственной души заставила ее многое передумать, и из этого ряда размышлений и психологических наблюдений она выработала самостоятельный взгляд на свою личность, на свои отношения к окружающим людям, на отношения между чувством и долгом, - словом, на жизнь в самом обширном смысле. Г. Гончаров изображением характера Ольги, анализом ее развития показал в полной силе образовательное влияние чувства. Он подмечает его возникновение, следит за его развитием и останавливается на каждом его видоизменении, чтобы изобразить то влияние, которое оказывает оно на весь образ мыслей обоих действующих лиц. Ольга полюбила нечаянно, без предварительного приготовления; она не создавала себе отвлеченного идеала, под который многие барышни стараются подводить знакомых мужчин, не мечтала о любви, хотя, конечно, знала о существовании этого чувства. Она жила спокойно, не стараясь искусственно возбудить в себе любовь, не стараясь видеть героя будущего своего романа в каждом новом лице. Любовь пришла к ней нежданно-негаданно, как приходит всякое истинное чувство; чувство это незаметно прокралось к ней в душу и обратило на себя ее собственное внимание тогда, когда получило уже некоторое развитие. Когда она заметила его, она стала вдумываться и соразмерять с своею внутреннею мыслию слова и поступки. Эта минута, когда она отдала себе отчет в движениях собственной души, начинается собою новый период в ее развитии. Эту минуту переживает каждая женщина, и переворот, который

совершается тогда во всем ее существе и начинает обличать в ней присутствие сдержанного чувства и сосредоточенной мысли, этот переворот особенно полно и художественно изображен в романе г. Гончарова. Для такой женщины, как Ольга, чувство не могло долго оставаться на степени инстинктивного влечения; стремление осмысливать в собственных глазах, объяснять себе все, что встречалось с нею в жизни, пробудилось тут с особенною силою: явилась цель для чувства, явилось и обсуживание любимой личности; этим обсуживанием определилась самая цель. Ольга поняла, что она сильнее того человека, которого любит, и решилась возвысить его, вдохнуть ему энергию, дать ему силы для жизни. Осмысленное чувство сделалось в ее глазах долгом, и она с полным убеждением стала жертвовать этому долгу некоторыми внешними приличиями, за нарушение которых чистосердечно и несправедливо преследует подозрительный суд света. Ольга растет вместе с своим чувством; каждая сцена, происходящая между нею и любимым ею человеком, прибавляет новую черту к ее характеру, с каждою сценою грациозный образ девушки делается знакомее читателю, обрисовывается ярче и сильнее выступает из общего фона картины. Мы достаточно определили характер Ольги, чтобы знать, что в ее отношениях к любимому человеку не могло быть кокетства: желание завлечь мужчину, сделать его своим обожателем, не испытывая к нему никакого чувства, казалось ей непростительным, недостойным честной женщины. В ее обращении с человеком, которого она впоследствии полюбила, господствовала сначала мягкая, естественная грация, никакое рассчитанное кокетство не могло подействовать сильнее этого неподдельного, безыскусственно простого обращения, но дело в том, что со стороны Ольги тут не было желанья произвести то или другое впечатление. Женственность и грация, которые г. Гончаров умел вложить в ее слова и движения, составляют неотъемлемую принадлежность ее природы и потому особенно обаятельно действуют на читателя. Эта женственность, эта грация становится сильнее и обаятельнее по мере того, как чувство развивается в груди девушки; игривость, ребяческая беспечность сменяются в ее чертах выражением тихого, задумчивого, почти торжественного счастья. Перед Ольгою открывается жизнь, мир мыслей и чувств, о которых она не имела понятия, и она идет вперед, доверчиво глядя на своего спутника, но в то же время всматриваясь с робкою любознательностию в те ощущения, которые толпятся в ее взволнованной душе. Чувство растет; оно делается потребности)", необходимым условием жизни, и между тем и тут, когда чувство доходит до пафоса, до "лунатизма любви", по выражению г. Гончарова, и тут Ольга не теряет сознания нравственного долга и умеет сохранить спокойный, разумный, критический взгляд на свои обязанности, на личность любимого человека, на свое положение и на действия свои в будущем. Самая сила чувства дает ей ясный взгляд на вещи и поддерживает в ней твердость. Дело в том, что чувство в такой чистой и возвышенной природе не нисходит на степень страсти, не помрачает рассудка, не ведет к таким поступкам, от которых впоследствии пришлось бы краснеть; подобное чувство не перестает быть сознательным, хотя порою оно бывает так сильно, что давит и грозит разрушить собою организм. Оно вселяет в душу девушки энергию, заставляет ее нарушить тот или другой закон этикета; но это же чувство не позволяет ей забыть действительного долга, охраняет ее от увлечения, внушает ей сознательное уважение к чистоте собственной личности, в которой заключаются залогов счастья для двух людей. Ольга переживает между тем новую фазу развития: для нее наступает горестная минута разочарования, и испытываемые ею душевные страдания окончательно выработывают ее характер, придают ее мысли зрелость, сообщают ей жизненный опыт. В разочаровании часто бывает виноват сам разочаровывающийся. Человек, создающий себе фантастический мир, непременно, рано или поздно, столкнется с действительною жизнью и ушибется тем больнее, чем выше была та высота, на которую подняла его прихотливая мечта. Кто требует от жизни невозможного, тот должен обмануться в своих надеждах. Ольга не мечтала о невозможном счастье: ее надежды на будущее были просты, планы ее - осуществимы. Она полюбила человека честного, умного и развитого, но слабого, не

привыкшего жить; она узнала его хорошие и дурные стороны и решилась употребить все усилия, чтобы согреть его тою энергиею, которую чувствовала в себе. Она думала, что сила любви оживит его, вселит в него стремление к деятельности и даст ему возможность приложить к делу способности, задремавшие от долгого бездействия. Цель ее была высоконравственная; она была внушена ей истинным чувством. Она могла быть достигнута: не было никаких данных, чтобы сомневаться в успехе. Ольга приняла мгновенную вспышку чувства со стороны любимого ею человека за действительное пробуждение энергии; она увидела свою власть над ним и надеялась вести его вперед на пути самосовершенствования. Могла ли она не увлечься своею прекрасною целью, могла ли она не видеть впереди себя тихого разумного счастья? И вдруг она замечает, что возбужденная на миг энергия гаснет, что предпринятая ею борьба безнадежна, что обаятельная сила сонного спокойствия сильнее ее живительного влияния. Что было делать ей в подобном случае? Мнения, вероятно, разделятся. Кто любит порывистою красотою бессознательного чувства, не думая о его последствиях, тот скажет: она должна была остаться верною первому движению сердца и отдать свою жизнь тому, кого однажды полюбила. Но кто видит в чувстве ручательство будущего счастья, тот взглянет на дело иначе: безнадежная любовь, бесполезная для себя и для любимого предмета, не имеет смысла в глазах такого человека; красота такого чувства не может извинить его неосмысленности. Ольга должна была победить себя, разорвать это чувство, пока было еще время: она не имела права губить свою жизнь, приносить собою бесполезную жертву. Любовь становится незаконною тогда, когда ее не одобряет рассудок; заглушать голос рассудка значит давать волю страсти, животному инстинкту. Ольга не могла так поступить, и ей пришлось страдать, пока не выболело в ее душе обманутое чувство. Ее спасло в этом случае присутствие сознания, на которое мы уже указали выше. Борьба мысли с остатками чувства, подкрепляемого свежими воспоминаниями минувшего счастья, закалила душевные силы Ольги. В короткое время она перечувствовала и передумала столько, сколько не случается передумать и перечувствовать в течение многих лет спокойного существования. Она была окончательно приготовлена для жизни, и прошедшее, испытанное ею чувство и пережитые страдания дали ей способность понимать и ценить истинные достоинства человека; они дали ей силы любить так, как не могла она любить прежде. Внушить ей чувство могла только замечательная личность, и в этом чувстве уже для разочарования не было места; пора увлечения, пора лунатизма прошла невозвратно. Любовь не могла более незаметно прокрасться в душу, ускользая до времени от анализа ума. В новом чувстве Ольги все было определено, ясно и твердо. Ольга жила прежде умом, и ум подвергал все своему анализу, предъявлял с каждым днем новые потребности, искал себе удовлетворения, пищи во всем, что ее окружало. Затем развитие Ольги сделало еще только один шаг вперед. На этот шаг есть только беглое указание в романе г. Гончарова. То положение, к которому повел этот новый шаг, не очерчено. Дело в том, что Ольгу не могли удовлетворить вполне ни тихое семейное счастье, ни умственные и эстетические наслаждения. Наслаждения никогда не удовлетворяют сильной, богатой природы, неспособной заснуть и лишиться энергии: такая природа требует деятельности, труда с разумною целью, и только творчество способно до некоторой степени утишить это тоскливое стремление к чему-то высшему, незнакомому, - стремление, которого не удовлетворяет счастливая обстановка вседневной жизни. До этого состояния высшего развития достигла Ольга. Как удовлетворила она пробудившимся в ней потребностям, - этого не говорит нам автор. Но, признавая в женщине возможность и законность этих высших стремлений, он, очевидно, высказывает свой взгляд на ее назначение и на то, что называется в общежитии эмансипациею женщины. Вся жизнь и личность Ольги составляют живой протест против зависимости женщины. Протест этот, конечно, не составлял главной цели автора, потому что истинное творчество не навязывает себе практических целей; но чем естественнее возник этот протест, чем менее он был приготовлен, тем более в нем художественной истины, тем сильнее подействует он на общественное сознание.

Вот три главные характера "Обломова". Остальные группы личностей, составляющие фон картины и стоящие на втором плане, очерчены с изумительной отчетливостью. Видно, что автор для главного сюжета не пренебрегал мелочами и, рисуя картину русской жизни, с добросовестною любовью останавливался на каждой подробности. Вдова Пшеницына, Захар, Тарантьев, Мухояров, Анисья - все это живые люди, все это типы, которые встречал на своем веку каждый из нас. Мы не будем говорить подробно об этих второстепенных личностях. Из них особенно замечательна вдова Пшеницына, в лице которой г. Гончаров воплотил чистое чувство, не возвышенное образованием и не основанное на сознании. Захар, лакей Обломова, является такою типическою, обработанною личностью, какой давно не представляла наша литература. Эта личность не выдается резко вперед в романе г. Гончарова только потому, что все характеры обработаны одинаково полно, общий план строго обдуман, и все действующие лица обращают на себя внимание читателя настолько, насколько это нужно для интереса и гармонической стройности целого.

Теперь нам остается еще объяснить, почему мы считаем необходимым, чтобы девицы прочли роман г. Гончарова: из первых слов нашей статьи видно, как высоко ставим мы это произведение; не прочтя его, трудно познакомиться вполне с современным положением русской литературы, трудно представить себе полное ее развитие, трудно составить себе понятие о глубине мысли и законченности формы, которыми отличаются некоторые самые зрелые ее произведения. "Обломов", по всей вероятности, составит эпоху в истории русской литературы, он отражает в себе жизнь русского общества в известный период его развития. Имена Обломова, Штольца, Ольги сделаются нарицательными. Словом, как ни рассматривать "Обломова", в целом ли или в отдельных частях, по отношению ли его к современной жизни или по его абсолютному значению в области искусства, так или иначе, всегда должно будет сказать, что это вполне изящное, строго обдуманное и поэтически-прекрасное произведение. Вот почему мы так долго останавливались на его рассмотрении, вот почему мы еще раз настойчиво рекомендуем его для чтения девицам. Ежели даже смотреть на воспитание девиц так, как смотрит на него наше модное общество, заботящееся так много о внешней невинности и полагающее эту невинность в незнании жизни и природы, даже и тогда самая строгая цензура не найдет в "Обломове" ничего предосудительного. Изображение чистого, сознательного чувства, определение его влияния на личность и поступки человека, воспроизведение господствующей болезни нашего времени, обломовщины, - вот главные мотивы романа. Ежели вспомнить притом, что всякое изящное произведение имеет образовательное влияние, ежели вспомнить, что истинно изящное произведение всегда нравственно, потому что верно и просто рисует действительную жизнь, тогда должно сознаться, что чтение книг, подобных "Обломову", должно составлять необходимое условие всякого рационального образования. Сверх того, для девиц может быть особенно полезно чтение этого романа. Это чтение несравненно лучше отвлеченного трактата о женской добродетели уяснит им жизнь и обязанности женщины. Стоит только вдуматься в личность Ольги, проследить ее поступки, и, наверно, в голове прибавится не одна плодотворная мысль, в сердце заронится не одно теплое чувство. Итак, мы думаем, что "Обломова" должна прочесть каждая образованная русская женщина или девушка, как должна она прочесть все капитальные произведения нашей словесности.

ПРИМЕЧАНИЯ

"Обломов" Роман И. А. Гончарова

"Дворянское Гнездо" Роман И. С. Тургенева

"Три Смерти" Рассказ графа Л. Н. Толстого

Впервые опубликованы в "журнале наук, искусств и литературы для взрослых девиц" "Рассвет" за 1859 г. (разбор "Обломова" в э 10 журнала, "Дворянского гнезда" - в э 11 и "Трех

смертей" - в э 12). В первое издание сочинений не вошли, хотя в объявлениях о составе этого издания, приложенных к первым его выпускам, и указывалось, что они будут помещены в ч. 10. Здесь воспроизводятся по тексту журнала.

¹ Цитата из статьи Белинского "О русской повести и повестях г. Гоголя" (см. В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 1, М. 1953, стр. 295).